

Лиса и козел — текст 2 из 2

Пришли для лисы тяжелые дни. Голод одолевает, а есть нечего. Бродит она, бродит, ищет чего-нибудь перекусить; о курочках и думать забыла, всему рада. Вышла она, голодная, в поле, видит: стоит неподалеку корзинка с хлебом, да кувшин, а в стороне старуха рожь жнет. Подобралась лиса тихонько к корзинке, весь хлеб съела; заглянула в кувшин, а там молоко. Всунула кое-как голову, все выпила -- глядь, а головы-то назад и не вытащить. Как ни бьется, ничего не выходит. Не знает лиса, как из беды выйти, ходит по полю, головой мотает, а сама приговаривает: "Ну, кувшинушка, отпусти меня, голубчик! Довольно шутить! Пора же и честь знать! Ну, перестань же, не дурачься!" А кувшин все так же крепко сидит.

Убежать-то лисе удалось, да зашибленная нога разболелась. Ни лечь нельзя спокойно, ни идти; бродит лиса, прихрамывает. А тут еще жара покою не дает. Была в то лето большая засуха; ни в ручьях, ни в канавах капли воды не отыскать, а до речки далеко. Хочется лисе пить, не знает, куда деться. Приплелась к монастырю, смотрит, а в кустах каменный колодец виднеется. Обрадовалась лиса, взобралась на колодезную стенку, а воды достать не может. Да уж очень ей пить хотелось. "Эх, -- думает, -- сяду-ка я в ведро, да и спущусь вниз. Без питья-то все равно конец придет. Да и не глубоко тут, авось вылезу". Села в ведро и спустилась в колодец. Воды-то в нем была самая малость, а выбраться все-таки нельзя. Видит лиса: дело плохо, сидит в колодце и пригорюнилась.

Проходит мимо монастырский козлище, длинная бородища, бородой потряхивает, рогами помахивает, хвостом вертит, из стороны в сторону без пути болтается. Шел он, заглянул в колодец, увидел лису и удивился:

-- А, Лиса Патрикеевна, мое почтение!

-- Здравствуй, Кузьма Никитич! Куда это ты собрался?

-- Да что, хоть в лес пойду, там может лучше, а то в конюшне такая жара, что хоть умирай, да и мухи покоя не дают.

-- И не думай, Кузьма Никитич, -- в лесу не лучше. Сама только что оттуда выбралась, сюда отдохнуть пришла. А здесь-то суший рай! Водицы вдоволь, прохладно, и мухи не одолевают.

-- А ведь и правда, не худо у тебя там.

-- Что и говорить, Кузьма Никитич! Да хочешь, сам спрыгни ко мне, отдохнешь в холодке-то, а места хватит.

Козел-дурень обрадовался, да и прыгнул в колодец, а лиса как накинется на него: "Вот болван, вот увалень, и спрыгнуть-то не мог, как надо! Едва меня не

задавил! Ах ты, дубина этакая! Ну, становись скорей на задние ноги, да упрись в стенку лбом, дай хоть повернуться-то мне!" Козел опомниться не успел, стал на задние ноги, а лбом в стенку уперся. Лиса только того и ждала, мигом взобралась по козлиной спине, да по рогам наверх. "Ну, -- говорит, -- теперь прощай, Кузьма Никитич, отдыхай на свободе, а мне некогда". И была такова. Козел сидел, сидел в колодце, весь промок, бедняга, прозяб, да и голод его измучил. Наконец, стал он кричать благим матом, чуть горло не надорвал. Насилу монастырские конюхи о нем вспомнили, нашли по крику и из колодца вызволили.

Зато и отделали же они бедного козла палками: "Не шатайся по лесу. Не валяйся в колодцах".